

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

– Там, за углом, где много любви и мало смысла, где нет «зачем» и «потому что», где вечное лето и хиты нашего детства никогда не надоедают, где всё пахнет Парижем, но люди говорят на понятном тебе языке, где у йогуртов нет срока хранения, а в револьверах никогда не заканчиваются патроны, где царят сумерки и поезда ездят по кругу лишь ради саундтрека на фоне, где вдохновение – это болезнь, передающаяся половым путем, а похмелье – это нечто легкое и невыразимо прекрасное, где никто-никто не знает о существовании постмодернизма, где ирония – это минутная слабость, а черно-белое кино – стиль жизни, где завален горизонт и море набекрень, где вместо хлеба мандарины, а букет полевых цветов вместо паспорта, где жизнерадостные девушки не вызывают страх, а сигареты – рак легких...

– Ну? Так что там опять?

– Там сейчас шарики воздушные раздают – побежали, а?

Когда я напишу автобиографический роман, то называться он будет «Прокрастинация, любовь моя».

Там непременно будут мушкетеры, гарцующие на лошадях и распевующие: «Прокрастинация, прокрастина-а-ация!..» А девочки под эту песню будут рыдать и бросать в воздух чепчики. Хотя, на самом деле, они надеялись на задорную песню гусар – но что поделаешь! разве они зря ходили в магазин чепчиков?!

Я обязательно напишу такой роман. Правду про прокрастинацию.

Только не сегодня.

Потом как-нибудь.

– Знаете, мужчина, я сегодня не могу. Пойти с Вами. Мне стыдно. Я просто стесняюсь – у меня на таком неудобном месте прыщик, что даже припудрить не могу. Предлагаю компромисс: давайте летом. Следующего года. К тому времени прыщика уже не будет – да и я буду чуть постарше, года этак на... три. И мне больше не понадобится предъявлять паспорт, чтобы Вы перестали нервничать, да и мне будет уже по барабану, спрятали Вы свое обручальное кольцо или нет. Приходите летом. Следующего года... Встретимся на вокзале? Вы меня сразу узнаете, хотя буду полненькой и ростом пониже, чем сейчас, с большими-большими, как блюдца, глазами и маленьким размером груди, а всю эту томность в голосе как рукой снимет – да-да, не удивляйтесь, разговаривать я буду развязно и с хорошо заметной хрипотцой, поскольку начну отчаянно курить (Вы же понимаете – этот прыщик, он меня с ума сведет!). Стану натуральной шатенкой и буду напиваться за Ваш счет, хохотать над Вашими пошлыми шутками и плакать над Вашими скучными историями, в общем, то, что Вам нужно, – и звать меня будут совсем иначе, не Люся, а, кажется, Катя. Но это всё равно буду я. Так что приходите. Следующим летом. Только приходите о-бя-за-те-льно!

На бутерброд с гусиным паштетом намазал я паштет крабовый. Тем самым соединив природу земную с природой морской. Киплинг: «Восток есть Восток, Запад есть Запад – и сойтись им разве что на моем бутерброде». Многозначительное молчание. Долгие аплодисменты. После чего гостям разрешается вернуться к еде.

Киплингова невеста тихо спрашивает Киплинга:

– Мы теперь обручены?

– Мы теперь обречены... любить друг друга вечно...

Бурные и несмолкаемые овации.

Кого-то выводят из-за стола, его тошнит.

Упорно не вслушиваться в отвратительный жужжащий звук, без конца повторяемый невдалеке, – и раз, и два, и ррраз, и ддваа – что за пытка! и каждый раз надеяться, что пружина в мучимой малышом машинке, наконец-то, не выдержит и, взвизгнув, лопнет – на радость окружающим. Или обрадуешься только ты? Неужели это возможно? Все отводят глаза, задумчиво улыбаясь... Но ребенок-то хоть заплачет?! Ты пытаешься отвлечься, ты вновь сосредоточен на книге в твоих руках и в стотысячный раз перечитываешь строчку про генерала Уайта, чьи усы, чьи усы, чьи усы, и ррраз, и ддваа, и ррраз, и ддваа, до тех пор, пока звук не достигает самых дальних чертогов твоего сознания, пронизывая тебя уже всего, все твои мысли и мечтания, твои прошлое, настоящее и будущее. Сначала хрип, потом звон-донг, затем хрип и неизбежный звон-донг, ты вновь поднимаешь взгляд и улыбаешься так же устало, как и прочие жертвы, теперь ты подобен им, ты уже часть мистерии, но искренне полагаешь, что отныне ты единственный, кто понял этот звук, понял и принял его, кто через внутренние муки пришел к чистому знанию, спрятанному в этом звуке, и постиг искусство безупречно подражать заводным машинкам; мало того, ты уверен, что когда ты выставишь свое знание напоказ и передашь его дальше, то прочим пассажирам, то есть твоим собравшимся ученикам, это покажется забавным, они засмеются, тоже начнут громко изображать этот богомерзкий звук, единой волной поднимутся со своих мест и выкинут малыша с его игрушкой в окно, а вон та милая девушка даже оставит тебе свой телефончик.

Однако ты открываешь рот – и хрип, и стон смертельно больного человека заставляет окружающих обернуться к тебе в недоумении и беспокойстве.

– Ангел Ангелина! Эй, ангел Ангелина, принеси звезду!

Звон бокалов, хохот, вой одурелой собаки – животному никто не объяснил, что происходит, она глупая, она носится по двору и класает зубами на кружащиеся конфетти, которые кто-то пьяный продолжает раскидывать с верхних этажей.

– Почему так странно? Почему всё черно-белое и эта музыка?

– Мы попали в ранний фильм Феллини. Теперь так будет всегда.

– Да ты что, серьезно?! Фу-ты, не люблю итальянский неореализм, там всегда всё так трагично заканчивается... А что, Трюффо не предлагали? Я за Трюффо, вот на него всегда можно положиться, легкий, весенний, да и женщины у него... ммм...

– Ну, ну? Какие у него женщины? Расскажи!

– Хорошенькие.

– Что ж, Трюффо, увы, не предлагали. Лучше поцелуй меня...

– Смотри, смотри!

Смущенную парочку обнаруживают под столом.

– Ах, как хочется дождя!.. Или даже снега!

– Дурашка, зачем тебе сейчас снег?

– Сам ты дурашка... Снег – это просто красиво. Иногда этого достаточно.

А ангел стоит в стороне, под колоннами, увитыми виноградом и лампочками, и смеется – чисто, искренне, заливисто – радуется какой-то безделушке.

– Ангел Ангелина, эй, ангел Ангелина, что стало с твоими крыльями?! Куда они опять запропастились?

– Ах, крылья... Я обменялась с одним музыкантом на зажигалку. Гляди, она ведь как перламутровая!

О звезды, я призываю вас в свидетели, как, впрочем, и вас, глупая собака, лампочки, залитая кьянти скатерть и прочие отголоски праздника, – зажигалка действительно была как перламутровая!

И да, иногда этого достаточно.

Жизнь пестротечна. И тайна великая в том, почему у людей промежутки между днями рождения одинаковые – один год, один год, один год, как удары молоточком по голове... Разве не было бы куда логичнее, если бы каждый обладал единственно своей и неповторимой таблицей интервалов, из которых, если верить биографам и надгробным плитам, и состоит жизнь? Скажем: год и два месяца – с днем рожденья! – затем восемь с половиной часов – и снова с днем рожденья! ты почти не изменился – затем пять лет – ура, с днем рожденья! – шесть лет – что, опять? да, с днем рожденья! – две минуты – три секунды – десять лет – всё в соответствии с прожитым и пережитым... А ведь, по большому счету, и сам-то праздник несколько странный, сомнительный – за что подарки-то? за что дружные похлопывания по плечу и вымученные каламбуры? За то, что постарел? за то, что выжил? какое ты вообще имеешь отношение к этой дате?! Вот именно, если уж говорить о настоящем торжестве, то отмечать следует исключительно день зачатия: только тогда родителям предоставляется неоспоримое право на праздник! вот тогда-то они и могут поделиться в кругу твоих друзей приятными (в большинстве случаев) воспоминаниями, например, о вечеринке, кладовке, кустах, о вибрирующей стиральной машине или заднем сидении краденого автомобиля, а также упругом заде твоей мамы, резком запахе одеколona папы, податливых губах, жарком, нежном шепоте и смущении в глазах... А то выдумали, понимаешь ли, – день рождения! Ничего кроме боли, бессонницы, криков в гулких коридорах больницы и презрительного взгляда акушерки.

Разве я не прав? Кто здесь последний в очереди с законопроектами?

... о да, несомненно, исключительно фантазии о женщине, о женщинах, несмотря на преклонный возраст, он мало что знал о них, а потому многое с удовольствием выдумывал, опираясь на случайные наблюдения в трамваях и магазинах, на описания в книгах и образы в кино. Таким образом, женщины в его представлении обладали удивительными признаками и таинственными, не всегда практичными свойствами (каковые в них, на самом деле, вовсе не предусматривались), как например, определенным участком кожи – там, сзади, между лопатками – который в полнолуние блестит и пахнет медом. Если кто потрется там щекой, то будет пахнуть медом всю оставшуюся жизнь – и даже еще какое-то время после смерти, что, вполне естественно, смущает прочих покойников. В уголках губ женщины прячут ямочки, однако узрит их лишь избранный – и только в первую брачную ночь. Позже, когда избранный уснет, женщины лежат рядом, смотрят в потолок, дышат при этом ровно и спокойно – и следят за перебегающими полосами света от фар одиночных машин. В кухне за дверью висит передник, который женщины никогда не наденут, потому что с ним связаны слишком тягостные воспоминания, но и не выкинут – по причине тех же воспоминаний. Кроме того, они умеют с легкостью забывать какой-нибудь очень важный пятизначный номер, а потом сделать так, чтобы ты его тоже забыл и наморщил лоб. Женщины видели знаменитого актера вечером на остановке и никому об этом не рассказывали; видели в парикмахерской смешную собачку и рассказали об этом всем. Вообще, они настолько приветливо разговаривают с животными, цветами и почтальонами, словно действительно ожидают услышать ответ. Также на шумных перекрестках они всегда оглядываются, словно слышали свое имя; не исключено, что им дано распознавать сокрытое от мужчин – голоса прошлого или, допустим, крик о помощи между строк монолога хамоватого ресторанного зазывалы. В детстве женщины мечтали стать балеринами, потом выросли и стали женщинами.

Они думают о своем.

Однажды Петров видел, как в витрине одна женщина с закрытыми глазами надувала другую женщину – чтобы потом посадить ту на чучело лошади; это было то единственное наблюдение, что поразило его до глубины души и, тем не менее, осталось без определенного вывода и соответствующей заметки в дневнике...

Ах да, самое важное: когда женщины тебя убивают, они всегда чуть близоруко щурятся, будто боятся промахнуться.

Абонент временно недоступен... Абонент временно недоступен... Абонент, тьфу, то есть – абонент... Вот видите, сбилась из-за Вас! Почему?! Потому что! Послушайте, я же Вам человеческим голосом повторяю: «абонент временно недоступен», а Вы мне хамите! Почему? Почему Вы мне хамите? Да, Вы! Нет-нет, Вы, именно Вы... хамите... зря... а я ведь... а что я? Я лишь говорю... повторяю Вам... что абонента нет, вернее, не то, чтобы его совсем нет, он есть, где-то он есть, но он точно не с Вами, иначе бы Вы не звонили, не хамили... Ах, не перечьте мне! Всё зря, вот вся жизнь как-то не

сложилась – ни у меня, ни у абонента! Потому-то он и недоступен... Послушайте, я же знаю не больше Вашего, мне поступала исключительно обрывочная информация, то есть, например, что он недоступен или что его первая любовь (или страсть? сейчас уже тяжело говорить наверняка), она была во всех отношениях большая – как и все, они познакомились где-то, говорили о чем-то, целовались поспешно, кое-как. Вам мало?! Да что ж такое! Ну, слушайте, это всё, что знаю: вроде бы он был тогда еще молод, она чуть постарше; он хипповал, а ее отчим ходил по дому в семейных трусах и говорил по-французски; соседи рассказывали про абонента, что он вешает на чердаке кошек, она же была ленивой и холодной, как айсберг, у которого было не менее катастрофическое свидание с «Титаником». Еще она таскала его на какие-то нудистские пляжи, рассказывала что-то страшно умное о психологии, он поддакивал, они фотографировались на стройках и ели перченые хот-доги на задних сиденьях троллейбуса. А что Вы хотите! такова юность – сама мысль о серьезных отношениях спугнула бы их словно воробьев с подоконника. Однако момент наступил, тот самый, которого он так жаждал и боялся, – что ж, разумеется, всё было не так, как хотелось, как представлялось в его детских фантазиях, всё шиворот-навыворот, как-то понарошку; он пытался залить свое ничемное горе вином, а залил всего лишь ее юбку – и теплая весенняя ночь через щель в окне дышала занавесками... Вот, не знаю, как Вам, а мне грустно. Да, грустно. А Вы всё, как робот, заладили свое: «абонент» да «абонент»! Мол, где он и что он?! А у него, видите, какая трагедия, абонент выть готов был от отчаяния – о каком удовольствии могла идти речь?! Он ведь искренне полагал, что ему, как честному человеку, придется сделать себе хакари, если поутру она не скажет такую привычную для американских фильмов фразу «О, дорогой, это была лучшая ночь в моей жизни!» или «Это было незабываемо!» или хотя бы «Знаешь, это было вполне себе ничего так...». Думаю, я не удивлю Вас, если сообщу, что утром она ничего из этого не сказала, ни утром, ни позже, как не говорили многие после нее; тем не менее, хакари он не сделал, жизнь продолжалась, море кипело, магазины открывались и на следующий день закрывались уже навсегда, а он по-прежнему не чувствовал себя мужчиной. Впрочем, мне ли Вам рассказывать! На самом деле, это просто период такой, фаза, в конце концов, что-то такое там произойдет у него, случится, хорошее или, наоборот, ужасное, тогда-то он и почувствует себя по-настоящему взрослым. Так что ничего не подделаешь, видите, как бывает, уж простите и поймите – и меня, и абонента... он как бы вот... временно недоступен... но это временно, честное слово, временно, как всё временно в этом мире, так что и это пройдет, обязательно пройдет, я обещаю! У всех же прошло... так или иначе... и он вновь станет доступен... Вы, главное, верьте в это. Главное – верить. Продолжайте ждать, звонить, надеяться. А пока... он временно недоступен... этот Ваш глупый абонент...

Мне нравится думать, что уже более двадцати лет я таким странным образом прогуливаю школу.

Мыло «Душистое» – это идеальное сочетание качества и доступности. Оригинальная форма «чебурашка» способствует чистоте даже в труднодоступных местах. При этом запахи подобраны с учетом вкусов и пожеланий потребителей – это родные, знакомые с детства ароматы хвойного леса, терпкого жасмина, березового сока, барсучьей норы, запеканки и горячего молока с пенкой.

После первого мытья вы получаете новый заряд бодрости.

После второго – у вас появляется работа, жена и белочки, которые принимают вас за пихтовую ель.

После третьего мытья вас объявляют государственным заповедником.

Детка, ты смотрела на календарь? Сегодня день репликантов и лубрикантов.

Поэтому не удивляйся: эмоции будут автоматическими, движения – заученными, боль – привычной.

В общем, всё как всегда, именно так, как мы хотели, ведь если бы мы этого не хотели, то оно бы и не было именно так. Разве это не прекрасно? День репликантов и лубрикантов. Чувства вырвались на волю, в последний раз их видели в городском парке, где они, смеясь, плескались в фонтане и приставали к прохожим школьницам.

Что ж, а ведь завтра – день канкана и леприконов.

Где моя поролоновая радуга? В чулане? Пойду поговорю с ней.

Человек идет через поле к дому. Человек идет через поле к двухэтажному дому с белыми стенами, черными провалами окон и крышей из красной черепицы. Человек делает вид, что ему все равно. Впрочем, если бы ему действительно было все равно, он бы не был так напряжен, он бы не смотрел так неотрывно на дом, словно опасаясь, что тот сейчас растворится в полуденном зное.

Путь свой человек начал от чахлого деревца у края поля, где до сих пор спал. Спал долго и тревожно. И теперь он идет, он все еще идет – упорно, без оглядки, от деревца к дому, не теряя цель из виду.

Поле – мертвое.

Небо – мертвое.

Тишина.

Человек не выдерживает и припускает бегом – рассекая собой тяжелый воздух и смешно размахивая руками. За ним вздымаются клубы серой пыли, они гневно вздымаются и, тут же остынув, опускаются.

Он бежит и потеет от грузности своего тела, охает, потеет и бежит, проклиная неудобную одежду, замедляющую его движения и покрывающуюся темными пятнами, – всё лишь затем, чтобы, добравшись до дома, рвануть на себя дверь, преодолеть кухню, лестницу, коридор и, ворвавшись в спальню, самую дальнюю комнату второго этажа, рухнуть на колени, намереваясь заглянуть под кровать.

Тут человек вынужден вновь проснуться, поскольку спасительная тень от деревца успела обратиться в иную сторону.

Приподнимаясь, он озирается, после чего твердым шагом направляется к дому.

Следим за руками, внимательно следим за руками! Видите шарик? Оп – и вот он исчез. Где шарик? Его больше нет. Спасибо, спасибо... Видите кролика? Всмотритесь в его грустные глаза. Оп! И вот кролик тоже исчез. Здорово, правда? Спасибо, спасибо, мне очень приятно... Видите меня? Следите за руками. Всё, больше не видите. Я исчез, меня больше нет. Видите луну? Вот луна исчезла. Исчезли звезды, сверчки, стрекозы, любимая девушка, смысл жизни. Следите за руками, за своими руками – вы видите их? Вы видите себя? Всё, больше не видите. Вы исчезли... Спасибо, спасибо...

Глубокая ночь. Тревожная музыка. Проезд камеры по длинному коридору. Вспышки молний за окном освещают имена продюсеров, написанные пальцем на пыльных зеркалах.

Камера оказывается в детской и резко останавливается перед лицом мальчика, спящего под одеялом в своей кроватке. Мальчик испуганно просыпается – оттого, что его одеяло странно подергивается. Широко раскрытыми глазами наблюдает он за тем, как одеяло тихо сползает на пол – после чего оно внезапно подскакивает и как живое начинает пританцовывать посреди темной комнаты, озаряемой вспышками молний. В следующее мгновение невидимая сила выдергивает простыню из-под мальчика, он оказывается на полу и от страха орет нечеловеческим голосом. Однако спрыгнувшая с кровати подушка немедленно затыкает ему рот.

Затемнение. Голос за кадром: «Когда его меньше всего ждут... когда дети перестали учить стихи...»

Маленькая девочка посреди пустой библиотеки растерянно вопрошает седовласого библиотекаря: «Чуковский? А кто это?»

Затемнение. Голос за кадром: «... и забыли основы элементарной гигиены...»

Следующий ребенок поет перед умывальником: «Я не буду мыть руки!» Очень тревожная музыка подсказывает нам, что это последняя ошибка в его жизни.

Затемнение. Крик ужаса. Голос за кадром: «Приходит он. Кривоногий и хромой. Из маминой спальни.»

Быстрая нарезка кадров, где мы видим испуганных, бегущих куда-то детей, преследующие их по улицам щетки и полотенца, страшную, растущую тень шагающего умывальника, а также мудрого библиотекаря, который, умирая, передает юным героям потрепанную книгу – со словами: «Лишь тот, кто чист сердцем и руками, сможет остановить проклятье...»

Затемнение. Капли на запотевшем стекле стекают в название фильма: «МОЙДОДЫР – 2012».

Перепачканные дети, тяжело дыша, склонились в укромном месте над книжкой детских стихов. Самый старший из них торопливо объясняет: «Племена майя знали о его приходе, но не знали, где. Чуковский знал – где, но, зажатый тисками советской диктатуры, смог передать информацию лишь в форме детских стихов...»

Вспышка. Тишина. Крупный план крана, из которого медленно капает вода. Одна из капель внезапно окрашивается кровью.

Последний, громкий тревожный аккорд (удар в медный таз и зов: «Кара-барас!»). Затемнение. Надпись: «Мойте руки перед попкорном. Во всех кинотеатрах. 12.12.2012.»

Относится ли правило «Если любишь - отпусти» к тому моменту, когда ты, голодный, сливаешь горячую воду из кастрюльки со свежесваренными пельмешками, а один пельмешек выпрыгивает в умывальник? Если я люблю каждый пельмешек - то стоит ли отпускать его? Или вновь поддаться эгоизму и чувству собственности? И если всё дело в «правиле трех секунд», то относится ли это правило и к женщинам тоже? Мол, если любишь - отпусти, но в течение трех секунд еще можешь вернуть? И если да, то является ли сексизмом сравнение женщин с пельменями? Даже если я люблю и то, и другое, хоть и по-разному? Я растерян. Я голоден и растерян...

В попытке разобраться с неизменно преследующим чувством вины я оглядываюсь назад и понимаю, что мне в разное время попадало: за то, что мы с братом срывали сливы, натыкали их на рапиры и катапультной отправляли в небо (вернее – на соседскую крышу); за то, что в детском саду спрятал ненавистную рыбу в шкафчик, тогда как все внимательно, со слезами на глазах, слушали сказку про Филипка; за моторчик, нарисованный на спинке стула; за тушь, опрокинутую на карикатуру соседа-художника; за поцелуи с дочкой соседа-художника; за пиротехнические эксперименты с дедушкиным порохом, после которых от меня несло то паленым, то бабушкиным одеколоном; за беготню на перемене; за неуважение к старшим; за синяк на лице приятеля; за стихотворение, забытое во время выступления перед важными немецкими гостями в актовом зале; за украденную учительскую ручку с золотым пером, которую я, на самом деле, не крал; за пошлые намеки и странные ассоциации; за ношение длинной прически, никак не вписывавшейся в школьные правила (а разрешены были только две, помню фотографии на школьной стене, но не помню названий, что-то вроде «Огонек» и «Пионер»); за незнание правил; за нежелание знать правила; за разбитую бутылку дорогого коньяка, предназначавшуюся для взятки в военкомате; за испорченные лучшие годы и неиспорченные худшие; за отсутствие слуха и голоса; за то, что не помыл руки перед едой, а соврал, что помыл, и, вообще, за то, что неоднократно врал (врал себе и другим, а потом вырос и стал облекать свою ложь в литературную форму – и меня стали хвалить); в юности – за неумение писать просто; позже – за неумение писать сложно; за повторы, бесконечные перечисления, неожиданные финалы и несвоевременную шутовщину; за то, что уехал; за то, что приехал; за нездоровый образ жизни; за кредиты, компромиссы, кастрацию, прокрастинацию, лубриканты и другие страшные слова; за свободу, за правду, за мир во всё мире и, наконец, за дорогих наших молодоженов – долгих лет счастья им! Горько!

А теперь переходим к водным процедурам! Вы любите водные процедуры? Я – нет. Я вообще не люблю процедуры, а водные – тем более. А почему Вы любите водные процедуры? Может, Вы русалка?.. Нет?! А почему тогда Вы так нежно пахнете таранькой и при виде Вас меня всегда тянет на пиво?